

- [Прощение о христианах](#)
  - [Марку Аврелию Антонину, и Люцию Аврелию Коммоду, самодержцам армянским, сарматским, и, что всего выше, философам](#)
- [Примечания](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)

- [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
-

Марку Аврелию Антонину, и Люцию Аврелию Коммоду, самодержцам армянским, сарматским, и, что всего выше, философам

1. Великие Государи! В вашей империи народы держатся разных обычаев и законов, и никому из них не возбраняется законом и страхом наказания следовать отечественным постановлениям, как бы ни были они смешны. Троянец называет богом Гектора и поклоняется Елене, почитая ее Адрастиею; лакедемонянин боготворит Агамемнона — Зевса и Филоною, дочь Тиндара; житель Тинедоса — Теннеса; афинянин приносит жертвы Ерехтею-Посидону, а в то же время афиняне совершают обряды и мистерии в честь Агравлы и Пандросы¹, хотя они, призваны нечестивыми за то, что открыли ящик. Одним словом, у всех племен и народов люди совершают жертвоприношения и мистерии, какие им угодны. А египтяне признают за богов кошек, крокодилов, змей, аспидов, собак. И ко всем им снисходите и вы и законы, в той мысли, что нечестиво и незаконно совершенно не признавать Бога, и необходимо, чтобы каждый почитал богов каких ему угодно; дабы люди страхом божества удерживались от преступлений. А нас ненавидите за одно имя? Не обманывайтесь молвою, подобно толпе — ибо не имя достойно ненависти, а преступление — суда и наказания. Потому-то все прославляют вашу кротость, милосердие, снисхождение ко всякому и человеколюбие; каждый пользуется одинаковыми правами, города же пользуются честью, сообразно со своим достоинством, и вся империя по вашей мудрости наслаждается глубоким миром. Только нам, называемым христианами, вы не оказываете вашего внимания, и даже позволяете гнать, притеснять и мучить нас, тогда как мы не делаем ничего худого, и как будет доказано дальше в речи, преимущественно пред всеми питаем самые святые достоподобные расположения к божеству и вашей власти², и все это за одно имя, которое вооружает против нас толпу. Я осмелился раскрыть пред вами наше положение, чтобы из этой речи вы узнали, что мы страдаем вопреки справедливости, вопреки всякому закону и здравому разуму, — и умоляю вас обратить сколько-нибудь внимания и на нас, чтобы, наконец, клеветники перестали подвергать нас смерти. Ибо не в том дело, что враги наши посягают на нашу честь или отнимают у нас какое-либо другое большее благо, — мы презираем эти блага, хотя для многих они кажутся достойными забот, так как мы научены не только бьющему не воздавать тем же и не судиться с теми, кто нападает на нас и грабит, но и подставлять для удара другую часть головы тем, кто ударит по щеке, и отдавать верхнее платье тем, кто отнимет нижнее (см. [Лк.6:29](#); ср. [Мф.5:39—40](#)). Но когда отдадим деньги, хотят лишиться нас самой жизни, взводя на нас множество преступлений, которые и не приходили нам даже и на мысль, но скорее свойственны клеветникам нашим и им подобным.

2. Конечно, если кто может обличить нас в великом или малом преступлении, мы не просим избавить нас от наказания, но признаем справедливым нести наказание, как бы ни было оно сильно и жестоко. Но если обвинение основывается на одном имени, — ибо что до сегодня говорят об нас, есть пустая и неразумная людская молва, и ни один христианин не был обличен в преступлении, — то долг ваш, величайшие, человеколюбивые и мудрейшие государи, законом оградить нас от обид, дабы, как во всей империи каждый порознь и целые города пользуются вашими благодеяниями, и мы могли благодарить вас и похвалиться тем, что избавились от клевет. Ибо несообразно с вашим правосудием, чтобы между тем как прочие, обвиняемые в преступлении, не подвергаются наказанию прежде дознания их вины, — в отношении к нам имя больше значило, нежели судебный улики, потому что судьи не исследуют, сделал ли

подсудимый какое-нибудь преступление, но ставят в вину самое имя, как преступление. Между тем, имя само по себе не считается ни хорошим, ни худым, а оказывается дурным или добрым по худым или добрым делам, который подразумеваются под ним. Вы сами лучше знаете это, как занимавшиеся философией и всякого рода ученостью. Поэтому те, которые призываются к суду у вас, хотя бы их обвиняли в величайших преступлениях, бывают благодущны, зная, что вы будете исследовать жизнь их, и не обратите внимания ни на имена их, если они ничего не значат, ни на обвинения в преступлениях, если они ложны; они законным порядком получают приговор, осуждающий или оправдывающий. Этого-то принадлежащего всем права просим и мы, чтобы не преследовали нас ненавистью и не наказывали за то, что мы называемся христианами — ибо какое отношение нашего имени к преступлению? Но пусть судят нас по тому делу, за которое кто-нибудь позовет па суд, и либо отпускали нас, когда оправдаемся от обвинения, либо подвергали наказанию, если доказано наше преступление, — не за имя, потому что нет ни одного христианина-преступника, если только он нелицемерно держится этого учения, а за преступление. Так, мы видим, судятся и философы³. Ни один из них прежде судебного исследования не считается у судьи за доброго или худого только по его науке или занятию, но если кто из них окажется виновным в преступлении, то подвергается наказанию, не навлекая на самую философию никакого нареkania, — ибо он виновен, как не истинный философ, а наука невинна, — если же оправдается от обвинений, то отпускается. Пусть поступают также и с нами: пусть исследуется жизнь обвиняемых, а имя останется свободным от всякого обвинения. Но, начиная защищать свое учение, считаю необходимым просить вас, величайшие самодержцы, выслушать беспристрастно и без предубеждения, не увлекаясь народною и неразумною молвою, но обратить и на наше учение свойственную вам любовь к знанию и истине. Тогда и вы не погрешите по неведению, и мы, освободясь от безрассудной молвы толпы, успокоимся от преследований.

3. Нас обвиняют в трех преступлениях: в безбожии, в ядении человеческого мяса, подобно Фиесту, в гнусных кровосмешения Эдиповских. Но если это правда не щадите никакого пола и возраста, наказывайте без меры преступления, совершенно истребите нас с женами и детьми, если кто-нибудь из христиан живет на подобие зверей. Да и звери не питаются животными однородными себе; они совокупляются по закону природы и в одно определенное для деторождения время, а не по неистовой похоти, и бывают признательны к тем, кто благодетельствует им. Если же кто неистовее самих зверей, то за такие преступления какое наказание он понесет, которое было бы достойным возмездием его преступности? Если же это вымысел и пустые клеветы, — естественное следствие того, что порок противоположен добродетели; и по закону божескому противное восстает на противное; — если мы ничего такого преступного не делаем, что вы сами свидетельствуете, запретив доносы⁴: то вам остается исследовать нашу жизнь, учение, доброе расположение к вам, вашему дому и власти и наше повиновение, — и таким образом, наконец, даровать нам права, хоть одинаковый с нашими гонителями. Тогда мы победим их, будучи готовы и жизнь свою отдать за истину.

4. Итак, я буду отвечать за каждое из обвинений, дабы не было смешным оставить без опровержения тех, которые высказывают их. Что касается до обвинения в безбожии, напрасно взводимого на нас, то афиняне справедливо обвинили в безбожии Диагора, который не только сделал общеизвестным орфическое учение и разглашал между народом элевсинские и кабирские таинства и разрушил деревянную статую Геркулеса, чтобы сварить репу, но и открыто проповедовал, что вовсе нет Бога. А нам, которые отличаем Бога от материи, и учим, что иное вещество, и иное Бог, и что между ними величайшее расстояние, — ибо Бог не сотворен и вечен и может быть постигаем только умом и мыслию, а материя сотворена и тленна, — справедливо ли дается название безбожников? Если бы мы, имея столько оснований к

богопочтению, — благочиние, гармонию во всем, величие, красоту, стройность мира, мыслили подобно Диагору, тогда справедливо почитали бы нас безбожниками, и имели бы причину преследовать нас. Но так как наше учение признает единого Бога, Творца этой вселенной, Который Сам не сотворен, ибо сущее не получает бытие, а только не сущее, но все сотворил Словом Своим, то мы напрасно терпим то и другое — и худую молву и преследование.

5. Поэты и философы, любомудрствовавшие о Боге, не казались безбожниками. Так, Еврипид, сомневаясь в бытии тех, которые по общему предрассудку несправедливо называются богами, говорит:

Если есть Зевс на небе, то он не должен бы человека делать несчастным⁵.

А о Боге, Который постигается мыслию, он же согласно с разумом учит:

Видишь ли ты Вышнего, Который и эфир беспредельный и землю объемлет вокруг властными дланями? Его Зевсом называй и почитай Богом⁶.

Он не знал природы тех богов, которым обыкновенно давались имена:

Зевса... Кто этот Зевс, я не знаю разве по названию⁷.

И не видел, на каком основании давались им самые имена. Ибо к чему служат названия для тех предметов, сущность которых не существует? Бога же (невидимого) он познавал из дел, рассматривая явления воздуха, эфира и земли и возвышаясь к сокровенному. Он понимал, что Тот есть Бог, Кто сотворил все вещи и Духом Своим управляет ими, и утверждает и различие Бога от вещей и вместе Его единство. С ним согласен и Софокл, который относительно природы божественной, преисполнившей красотой дела свои говорит, что «Един по истине, един есть Бог, сотворивший небо и пространную землю»⁸.

6. И Филолай говоря, что все содержится Богом, как бы в крепости, показывает и единство Его и превосходство над матерью. Также Лисий и Опсим⁹, — один из них называет Бога невыразимым числом, а другой избытком самого большого из чисел перед ближайшим. Так, если десять есть самое большое число, как думают пифагорейцы, потому что оно четверочастное и содержит в себе все отношения числа и гармонии¹⁰, а девять есть ближайшее к нему, то Бог есть единица, т.е. Он един; ибо высшее число только единицею превосходить ближайшее к нему меньшее. Также Платон и Аристотель. Впрочем, приводя слова этих философов о Бог, я не намерен подробно излагать их учение; ибо знаю, что на сколько вы превосходите всех мудростью и силою власти, на столько возвышаетесь над всеми и основательным изучением всякого звания, усвоивши каждую отрасль учености так, как не усвоили себе другие, занимающиеся только одной отраслью. Но так как без приведения имен философов невозможно показать, что не одни мы почитаем Бога единым, то я и обратился к их мнениям. Итак, Платон говорит: «Зиждителя и отца всего и найти не легко и нашедши возвестить Его всем невозможно»¹¹, разумая здесь единого и вечного Бога. Хотя он признает и других богов, например, солнце, луну и звезды, но признает их сотворенными. «Боги богов, которых я создатель и отец творений, которые не могут разрушиться без моей воли; а все связанное может разрешиться»¹². Итак, если не безбожник Платон, который признает единого Творца вселенной, несотворенного Бога, то не безбожники и мы, которые признаем и почитаем Бога, Который все сотворил Словом и все содержит Духом Своим. Аристотель и его последователи, признавая Бога единого, представляют Его в виде какого-то сложного животного, состоящего из души и тела; телом Его почитают эфир, блуждающие звезды и сферу неподвижных звезд, которые двигаются кругообразно; а душою разум, который управляет движением тела, и сам в себе не движимый, служить причиною его движения. Стоики, хотя допускают много наименований божества, соответственно различным изменениям материи, в которой, по их мнению, пребывает дух Божий, но на самом деле признают единого Бога. Ибо

если Бог есть художественный огонь, проходящий в произведениях мира и заключающий в себе первоначальные основания, по которым все происходит с необходимостью; и если дух Его проникает весь мир: то, по их мнению, един Бог, который называется Зевсом по огненной ($\zeta\epsilon\omicron\nu$) части вещества, Гера по воздуху ($\alpha\eta\rho$), и другими именами, соответственно каждой части материи, которую он проникает.

7. Итак, если все вникавшие в начала вселенной, хотя по большей части невольно, согласны в том, что божество едино; если и мы признаем Богом Того, Кто устроил этот мир, то почему же тем позволено безнаказанно и говорить, и писать о божестве, что хотят, а нам запрещено это законом, хотя мы можем подтвердить истинными свидетельствами и доказательствами то, что мы думаем и во что правильно веруем, именно что Бог един. Поэты и философы догадочно касались этого предмета, как и других, по сродству духа своего с божественным, движимые каждый своею душою испытать, не удастся ли ему найти и познать истину. Но в них не оказалось столько способности, чтобы постигнуть истину, потому что думали приобрести познание о Боге не от Бога, а каждый сам собою: посему каждый из них различно учил и о Боге, и о материи, и о формах, и о мир. А что мы знаем и во что веруем, в том имеем свидетелями пророков, которые по вдохновению от Божественного Духа возвещали и о Боге и о вещах божественных. Конечно, и вы, возвышаясь над прочими мудростью и благоговением к истинно божественному, согласитесь, как неразумно отказаться от веры Духу Божию, Который двигал устами пророков, как инструментами, и обратиться к мнениям человеческим.

8. Что от начала один есть Бог Творец всего, это вы увидите из следующих соображений, которые составляют разумное оправдание нашей веры. Если от начала было два бога или многие, то они находились или в одном и том же месте, или каждый в своем собственном. Но в одном и том же месте быть они не могли. Ибо если они боги, то не подобны друг другу; но они не подобны, потому что безначальны: все существа, имеющие начало, подобны своим образцам; а безначальные существа не подобны, потому что не произошли от кого другого или по какому-нибудь образцу. Но скажут, что они составляют из себя одного и Бог один также как рука и глаз и нога суть части одного тела? Так, если бы дело шло о человеке, например, о Сократе, так как он рожден и подвержен тлению, состоит из частей и может быть разделен на части: а Бог, как безначальный, бесстрастный и неразделимый, конечно, не состоит из частей. Если же каждый из них существует отдельно, а Бог Творец мира находится выше сотворенного и окрест всего, что Он сотворил и устроил, то где будет другой бог, где прочие? Ибо если мир, имея круглую форму, замыкается небесными кругами, а Творец мира обитает над творением, управляя им посредством своего промышления, то где будет, место другого бога или прочих богов? Его нет в мире, который принадлежит другому, нет и окрест мира, ибо и над ним Бог, Творец мира. Если же его нет ни в мир, ни окрест мира, так как все, что около мира, объемлется тем же Богом, — то где же он? Выше мира и Бога? В другом мире или окрест другого? Но если в другом мир или около него: то он уже не около нас, ибо он не владычествует над миром, и сам не велик могуществом, ибо он пребывает в ограниченном месте. Если же этого места нет и в другом мире, ибо Бог Творец все наполняет, ни окрест другого, ибо все Им объемлется: то и его самого нет, как нет места, в котором бы он обитал. И что делает он, когда есть другой Бог, которому принадлежит этот мир, и сам он обитая выше Творца мира, не находится ни в мир, ни окрест мира? Разве есть какое-нибудь другое место, где бы пребывал он? Но над ним Бог и все Божие. Какое может быть место, когда Бог Творец наполняет все над миром? Промышляет ли он? Если не промышляет, то ничего не сотворил. Если же он ничего не творить и не промышляет; если нет никакого другого места, где бы он находился, то есть только этот изначальный и единый Бог Творец мира.

9. Если бы мы основывались на таких только умствованиях, то иному показалось бы наше

учение человеческим, но наши умозаключения подтверждаются свидетельствами пророков. Думаю, что я вам, как любознательнейшим и ученейшим не безызвестны Писания Моисея или Исаии и Иеремии и прочих пророков, которые в исступлении ума своего¹³ движимые Духом Божиим, возвещали то, что им было внушаемо, ибо Дух употреблял их также как музыкант надувает флейту. Что же они? «Господь Бог наш, — говорят они, — никто другой не сравнится с Ним» (Ср. [Исх 20.2—3](#); [Пс 88.7](#)). И еще: «Я Бог первый и последний: и кроме Меня нет Бога» ([Ис 44.6](#)). Также: «прежде Меня не было иного Бога, и по Мне не будет. Я Бог, и нет кроме Меня» ([Ис 43.10—11](#)). И о величии Божиим: «небо престол Мой, земля же подножие ног Моих: какой дом соорудите Мне? Или какое есть место покоя Моего?» ([Ис 66.1](#)) Впрочем, предоставляю вам прочитать сами книги, и тщательно исследовать в них заключающиеся пророчества, чтобы, по надлежащем обсуждении, вы могли отвратить гонения на нас.

10. Я достаточно доказал, что мы не безбожники, когда признаем единого Бога безначального, вечного, невидимого и бесстрастного, необъятного и неизмеримого, постигаемого одним умом и разумом, преисполненного светом и красотой, духом и неизреченною силою, Который словом Своим все сотворил и устроил, и все содержит. Мы также признаем и Сына Божия: и никому да не покажется смешным, что у Бога есть Сын. Ибо мы представляем Бога Отца и Сына не так, как баснословят поэты, у которых боги несколько не лучше людей. Сын Божий есть Слово Отца, как Его идея и как действенная сила, ибо по Нему и чрез Него все сотворено, потому что Отец и Сын суть одно. А так как Сын в Отце и Отец в Сыне, по единству и сил духа, то Сын Божий — ум и слово Отца. Если вам по превосходному разумению вашему желательно знать, что такое Сын, то я скажу кратко: Он есть первое рождение Отца, не так, чтобы оно получило бытие во времени, — ибо Бог, как вечный ум и вечно словесное (λογικος) существо искони имел в Себе Самом слово (Λογος), но Он произошел от Него для того, чтобы быть идеею и девственною силою для всех материальных вещей, который находились в виде бескачественной природы и недейственной земли, — легчайшие частицы были смешаны с тяжелейшими. Наши слова подтверждает и Дух пророчественный: «Господь создал Меня как начало путей Своих в дела Свои» ([Притч 8.22](#)). Утверждаем, что и этот самый Дух Святой, действующий в пророках, исходит от Бога, подобно лучу солнечному, истекая из Него, и возвращаясь к Нему. Итак, кто после сего не удивится, услышав, что называют безбожниками тех, которые исповедуют Бога Отца и Бога Сына и Духа Святого и признают их единство в силе¹⁴ и различие в порядке? Впрочем, этим не ограничивается наше богословское учение: но мы признаем и множество ангелов и служителей, которых Творец и Зиждитель мира Бог чрез Свое Слово поставил и распределил управлять стихиями и небесами и миром, и всем, что в нем, и благоустройством их.

11. Не удивляйтесь, что я подробно излагаю наше учение: я хочу, чтобы вы не увлекались общим безрассудным мнением, и могли знать истину. И самыми правилами, которыми мы руководствуемся, правилами, который не от человека происходят, но изречены и преподаны Богом, мы можем убедить, не почитать нас за безбожников. Какие же эти правила, в которых мы воспитываемся? «Говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, молитесь за гонящих вас: да будете сынами Отца вашего, Который на небесах, Который повелевает солнцу Своему восходить над злыми и благими и посылает дождь на праведных и на неправедных» ([Мф 5.44—45](#)). Здесь позвольте мне, как защищающему дело перед царями-философами, возвысить голос и смело во всеуслышание сказать: между теми, которые разбирают силлогизмы, разрешают обоюдности, показывают происхождение слов, или объясняют слова подобозначущия и однозначущия, и категории и аксиомы, что такое подлежащее, и что такое сказуемое, и которые обещают, такими и подобными речами сделать слушателей счастливыми; есть ли между ними столь очистившиеся в душе, чтобы не только не

ненавидели врагов, но и любили их; не только не злословили тех, которые наперед злословили их, — это еще не так важно, — но и благословляли и молились за тех, которые злоумышляют на их жизнь? Напротив, они постоянно заняты изысканием этих тонкостей со злым намерением, и всегда стараются сделать какое-нибудь зло, считая делом своим искусство в словах, а не доказательство посредством дел. А у нас вы найдете людей необразованных, ремесленников и стариц, которые, правда, не в состоянии доказать пользу нашего учения словом, но делом подтверждают его нравственную благотворность. Они не слова затверживают, но совершают добрые дела; не ударяют, когда их бьют; не жалуется в суде, когда отнимают у них имение; подают нуждающимся, и любят ближнего, как самих себя.

12. Итак, стали ли бы мы соблюдать себя в такой чистой, если бы мы не признавали, что Бог бодрствует над человеческим родом? Конечно, нет. Но так как мы веруем, что отдадим отчет во всей настоящей жизни Богу, сотворившему и нас, и мир, то мы избираем жизнь воздержную, человеколюбивую и уничиженную, — зная, что здесь не можем потерпеть, хотя бы нас лишали жизни, никакого зла, которое бы сравнилось с благами, нам уготованными там от Великого Судии за кроткую, человеколюбивую и скромную жизнь. Платон сказал, что Минос и Радамант будут судить и наказывать злых¹⁵; а мы говорим: «Минос ли какой или Радамант или отец их — и он не избегнет суда Божия». Почитают благочестивыми таких людей, которые настоящую жизнь полагают в том, чтоб «есть и пить, ибо утром умрем» ([Ис 22.13](#); [1Кор 15.32](#)), которые смерть почитают глубоким сном и забвением, (сон и смерть суть близнецы¹⁶), а нас, людей, которые настоящую жизнь почитают маловажною, которые стремятся к тому одному, чтобы познать Бога и Его Слово, и какое единение Сына с Отцом, какое общение Отца с Сыном, что такое Дух, в чем единство этих Существ и различие соединенных Духа, Сына и Отца, — которые знают, что ожидаемая жизнь много выше всякого выражения, если только мы перейдем туда чистыми от всякой неправды, которые до того человеколюбивы, что любят не друзей только («ибо если любите любящих вас, — говорит (Писание), — и если займы даете тем, которые дают вам, какую награду будете иметь» ([Мф 5.46](#); ср. [Лк 6.32:34](#)), нас, когда мы таковы и ведем такую жизнь, чтоб избежать осуждения, нас не считают благочестивыми? Вот малое из великого и немногое из многого, чтобы не утомить вас большим. Те, которые испытывают мед или молоко, и по малой части узнают обо всем, хорошо ли оно.

13. Впрочем, так как многие из обвиняющих нас в безбожии, которым и во сне не приснилось познать Бога, по своему невежеству и несмыслию в предметах естественных и божественных, измеряют благочестие числом жертв, и обвиняют нас в том, что мы не признаем тех же богов, каких чтут ваши города, то прошу вас, самодержцы, обратите внимание на два предмета, и во-первых на то, почему мы не приносишь жертв. Создатель вселенной и Отец не имеет нужды ни в крови, ни в дыме, ни в благоухании цветов и курений, будучи Сам — совершеннейшее благоухание и не имея недостатка ни в чем внутри или вне. Но для Него самая большая жертва та, если мы знаем, Кто распростер и окружил небеса и, утвердил землю на подобие центра, Кто собрал воду в моря и отделил свет от тьмы, Кто украсил эфир звездами и повелел земли производить всякие семена, Кто сотворил животных и создал человека. Если мы, признавая Бога Создателем, Который все содержит и наблюдает ведением и всеуправляющей мудростью, воздеваем к небу чистые руки, то какие еще нужны Ему жертвоприношения?

И богов — приношением жертвы, обетом смиренным
Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен¹⁷.

Что мне всесождения, в которых Бог не нуждается? Ему нужно приносить жертву бескровную и служение разумное.

14. А что мы не признаем и не чтим тех богов, каких чтут ваши города, — это упрек совершенно безрассудный. Сами те, которые обвиняют нас в безбожии за то, что мы не почитаем тех богов, которых они признают, не согласны между собою касательно богов. Так, афиняне признали за богов Келея и Метаниру¹⁸, лакедемоняне — Менелая, и ему приносят жертвы и совершают празднества; а троянцы, не желая даже слышать это имя, прославляют Гектора, жители Кеоса — Аристея, которого почитают за Зевса и Аполлона; фасцы — Феагена, который совершил убийство на олимпийских играх; самосцы чтут Лизандра после столь многих убийств и других злодеяний; [Алкман и Гесиод]¹⁹ Медею; киликийцы — Ниобу; сицилийцы — Филиппа, сына Вутакида²⁰; амафусийцы — Онесила²¹; карфагеняне — Гамилькара²². Но и целого дня не достанет, чтобы пересказать обо всех народах. Итак, если сами они разногласят между собою касательно своих богов, то зачем обвиняют нас, что мы не согласны с ними? А не смешно ли то, что делается у египтян? В храмах, во время торжественных собраний, они бьют себя в грудь, плача по ним, как по умершим, и вместе приносят жертвы, как богам. И несколько не удивительно: они и животных признают богами, и по смерти их стригут себе голову, погребают их в храмах и устанавливают общественный плач. Итак, если мы нечестивы потому, что не чтим тех богов, каких чтут другие, то нечестивы и все города, все народы, потому что все они почитают не одних и тех же богов.

15. Но пусть они почитают одних и тех же богов. Что же? Если многие, не умея различить, что такое вещество, и что такое Бог, и какое между ними различие, поклоняются сделанным из вещества идолам: то неужели для них и мы, которые отдаем и различаем безначальное и происшедшее, сущее и несущее, постигаемое умом и воспринимаемое чувством, и каждому из этих предметов даем приличное название, неужели и мы станем поклоняться идолам? Если вещество и Бог одно и то же, только два названия одного и того же предмета, то мы поступаешь нечестиво, не почитая за богов камни и дерева, золото и серебро. Если же они весьма различны между собою, различны столько, сколько художник и материал для его работы, то за что нас обвиняют? Ибо как горшечник относится к глине — глина есть материал, а горшечник-художник, — так относятся между собою и Бог Создатель и вещество, повинующееся Его художеству. Но как глина сама собою, без помощи искусства не может сделаться сосудом: так и удобоизменяемое вещество без художника — Бога не получило бы ни разнообразия, ни формы, ни красоты. Не ставим мы глиняного сосуда выше горшечника, ни чаш и золотых блюд выше сделавшего их художника; но если есть в них что-нибудь хорошее по искусству, хвалим художника, и он пользуется славою за сосуды; так и относительно вещества и Бога, — слава и честь устройства мира по справедливости принадлежать не веществу, а Богу, его Создателю. Посему, если бы мы те или другие виды вещества принимали за богов, то мы оказались бы не имеющими никакого понятия о Боге истинном, ибо в таком случае мы равняли бы с вечным разрушимое и тленное.

16. Прекрасен мир, как своим величием и расположением звезд, которые находятся в наклонном кругу (Зодиака) и у севера, так и сферическим видом своим; но не ему, а Создателю его должно поклоняться. Подданные, приходя к вам, не останавливаются на великолепии вашего жилища, пренебрегши воздать почтете вам, правителям и владыкам, от которых могут получить себе нужное: но, мимоходом взглянув на царское жилище и подивившись великолепному убранству его, вам, средоточию всего, воздают почести. Впрочем, вы, цари, строите царские жилища для самих себя, а мир сотворен не потому, чтобы Бог имел в нем нужду; Бог Сам для Себя есть все, свет неприступный, мир совершенный, дух, сила, разум. Посему, если мир есть орган благозвучный и стройный: то я поклоняюсь не органу, а тому, кто настроил его и

извлекает звуки, и производить согласную песнь. И на состязаниях распорядители игр не увенчивают цитр, минуя художников, играющих на них. Если мир, как говорит Платон, есть художественное произведение Божие: то удивляясь его красоте, я возношусь к его Художнику. Или пусть мир будет сущностью и телом Бога, как думают перипатетики; вместо того, чтобы поклоняться Богу, причины движения в этом теле, — мы не будем припадать к этим бедным и слабым стихиям, не будем поклоняться бесстрастным воздухом (ср. [Гал 4.9](#)). как выражаются они, страдательному веществу. Или пусть кто признает части мира силами Божиими. Мы будем воздавать служение не этим силам, а их Творцу и Владыке. Я не прошу у вещества того, чего оно само не имеет, и, вместо Бога, не служу стихиям, которые ничего не могут более, нежели сколько им повелено. Хотя они и прекрасны на вид, благодаря искусству Создателя; но, по природе своей, они тождественны с веществом. С этим согласен и Платон: «то, что мы называем, говорит он, небом и миром, хотя и много получило благ от Отца, но оно причастью телу, поэтому не может не подлежать изменению»²³. Итак, если я, удивляясь прекрасному устройству неба и стихии, не поклоняюсь им, как богам зная, что они подлежат разрушению, то как я буду называть богами те вещи, которых сделали художники, люди известные мне? Рассудите об этом, прошу вас, хоть немного.

17. В защиту своего дела мне должно представить точные доказательства и касательно имен богов, что они новы, и касательно изображений их, что они сделаны, так сказать, вчера или третьего дня. И вы сами достоверно знаете это, как лучше всех знакомые со вспои древностями. Итак, я утверждаю, что Орфей, Гомер и Гесиод дали и имена и генеалогию тем, кого называют они богами. Об этом свидетельствует и Геродот: «Я думаю, что Гесиод и Гомер жили за четыреста лет до меня, не более: они-то составили для эллинов теогонию, дали прозвания богам, разделили между ними почести и искусства, и обозначили их вид»²⁴. А изображения их не были в употреблении, пока не было пластики, живописи и ваяния, пока не явились Саврий самосский, Кратон сикионский²⁵, Клеанф коринфский и девушка коринфская. Саврий изобрел черчение, изобразив на солнце тень лошади, а Кратон — живопись, нарисовав на выбеленной доске тени мужчины и женщины, а та девушка изобрела пластику: питая любовь к одному человеку, она начертила на стене тень его спящего: отец ее, обрадованный совершенным сходством, — он был горшечник, — вырезал рисунок и наполнил глиною. Это изображение и теперь еще хранится в Коринфе²⁶. Жившие после них Дедал и Феодор милетский прибавили к тому делание статуй и ваяние. Вообще, время появления изображений и статуй так недавнее, что можно бы поименовать художника каждого бога. Так, статую Артемиды ефесской и Афины, или лучше Афины, — Афилою называется она, как говорят люди, знающие тайны, потому что так²⁷ она была в древности сделана из оливкового дерева, — и статую ее же в сидячем положении сделал Эндий, ученик Дедала. Аполлон пифийский есть произведение Феодора и Телекла, Аполлон делосский и Артемида — искусство Идектея и Ангеллиона, Гера самосская и аргивская — дело рук Смилида, а остальные статуи произведение Фидия; Венера кидская в виде гетеры — произведете Праксителя; Асклепий эпидаврский — работа Фидия. Кратко сказать, нет ни одной статуи, которая не получила бы своего существования от человека. Итак, если они боги, то почему не существовали от начала? Почему они моложе тех, кто сделал их? Почему нужны были им люди и их искусство, чтобы существовать? Они — земля, камни, вещество и искусная работа!

18. Но некоторые говорят, что это только изображение, а боги — те, в честь которых сделаны эти изображения, что моления, которые обращаются к сим последним, и жертвы относятся к богам и совершаются для них; что нет другого средства, кроме этого, приблизиться к богам, ибо трудно выдать богов открыто²⁸, и в подтверждение справедливости этого

представляют действия некоторых идолов, поэтому исследуем, какая сила заключается в именах богов. Но прежде нежели начну это исследование, я прошу вас, величайшие самодержцы, простить человеку, высказывающему истинные суждения. Я намерен не обличать идолов, а опровергая клеветы представить оправдание нашего верования. Вы на самих себе можете получить понятие о царстве небесном; ибо как вам, отцу и сыну, получившим царство свыше, ибо «душа царева в руке Божией» ([Притч 21.1](#)), говорит пророчески Дух, все покоряется: так все подчинено Богу, и Его Слову, как нераздельному от Него Сыну. Итак, прежде всего обратите внимание на следующее. Не от начала, как говорят, бога существовали, но каждый из них родился также, как рождаемся и мы. В этом все согласны. Так, Гомер говорит:

Бессмертных отец Океан и мать Тефиса^{[29](#)}.

А Орфей, который первый изобрел имена богов, изложил их генеалогию и рассказал подвиги каждого из них, и который считается у них достовернейшим богословом, так что ему и Гомер следовал во многом, особенно касательно богов, Орфей первое рождение богов производить из воды:

...Океан, от коего родилось^{[30](#)}.

Вода, по его учению, была началом всего, из воды образовался иль, а из них произошло животное — дракон, к которому приросла голова льва; в середине же двух голов было лицо бога, по имени Геркулеса, или Кродоса. Этот Геркулес родил яйцо необыкновенной величины, которое когда наполнилось, от сильного давления родителя распалось на двое: верхняя часть приняла образ неба, а нижняя земли. Так произошла богиня телесная земля. Небо, смешавшись с землею, произвело женщин Клото, Лахезу и Атропу, и мужчин сторуких Коттиса Гигиса, Вриарея и циклопов, Вронтиса, Стерописа и Аргоса. Узнав, что эти дети лишат его власти, оно связало их и низвергло в тартар. Поэтому, разгневанная земля произвела Титанов. «Почтенная Гея произвела небесных сынов, которым дали название Титанов, так как они мстили звездоносному небу»^{[31](#)}.

19. Таково первоначальное происхождение и богов, почитаемых у язычников, и вселенной. Что же из сего следует? То, что каждое существо, признаваемое божеством, имеет начало бытия, А если было время, когда они не существовали, как говорят о них повествующие о богах: то — они не боги. Ибо безначальное вместе и вечно, а то, что получило бытие, подвержено и тлению. И я говорю то же что и философы. «Надобно различать, что есть всегда сущее и неимущее начала, и что — бывающее, но никогда не сущее»^{[32](#)}. Платон, рассуждая об умопостигаемом и чувственном, учить, что умопостигаемое, всегда сущее не имеет начала; а несущее, чувственное получило бытие во времени, имеет начало и конец. Подобным образом и стоики говорят, что все будет истреблено огнем, и снова будет существовать, так как мир получить другое начало. Если, по их мнению, при всем том, что существуют две причины, одна действующая и управляющая, т.е. промышленность, а другая — страждущая и изменяемая, т.е. вещество, невозможно однако, чтобы мир, получивши начало, и при промышленности о нем оставался неизменяемым: то как могут пребывать неизменными боги, которые не существуют по своей природе, но получили начало бытия? Чем же лучше вещества эти боги, происшедшие из воды? Но и не вода — начало всего, как они думают: ибо из простых и однородных стихий что могло бы произойти? Веществу нужен художник, а художнику вещество. И каким образом

отпечатлелись бы формы без вещества и художника? Не основательно и то, будто вещество древнее Бога; потому что причина производящая необходимо должна существовать прежде того, что от нее происходит.

20. Если бы нелепое их учение о богах ограничивалось только тем, что почитали богов происшедшими и получившими свое бытие из воды: то я, доказав, что все получившее начало бытия подвержено разрушению, перешел бы к прочим обвинениям против нас. Но они, кроме того, приписали им телесные формы: бога Геркулеса представляют в виде извивающегося дракона; иных называют сторуками; о дочери Зевса, которую он родил от матери Реи или Деметры, говорят, что она имела, кроме двух естественных глаз, еще два глаза на лбу, птичий нос на задней части шеи и рога; от чего Рея, испугавшись чудовищности своего детища, бежала от него и не давала ему сосцов; посему она таинственно называется Афилою, а обыкновенно называется Прозерпиною, и Корою, будучи, впрочем, не одно и то же с Афиною, которая называется также Корою от зрачка (κορη). Притом и подвиги их, как они думают, описали с точностью. Так, будто Кронос отрезал срамные члены у своего отца, свергнул его с колесницы, и умертвил своих детей мужского пола, пожрав их; а Зевс, связав своего отца, низвергнул его в тартар, также как и Уран своих сыновей; воевал с титанами за власть, и преследовал мать свою Рею за то, что она отказалась потупить с ним в брак; когда же она сделалась драконовою самкою, и он превратился в дракона и совокупился с нею, связав ее так называемым Геркулесовым кольцом, какового смешения символом служить жезл Гермеса; потом он сделал кровосмешение с дочерью своею Прозерпиною, и изнасиловав ее, в вид дракона и имел от нее сына Диониса. Итак, необходимо сказать, по крайней мере, следующее: что доброго или полезного в этих рассказах, чтобы мы могли поверить, будто Кронос, Зевс, Кора и другие суть боги? Телесные ли формы? Но кто из рассудительных и привыкших к размышлению поверит, что ехидна родилась от бога? Орфей говорит: «Фанис родил другое детище страшное из священной утробы, ужасную на вид ехидну, у которой были волосы на голове и лицо приятное, прочие же части начиная с верха шеи похожи были на страшного дракона»³³? Или кто допустить, что тот же Фанис первородный бог, ибо он вышел из яйца, — имел тело или вид дракона, или, что былъ пожран Зевсом, чтоб ему быть неприступным? Если они ничем не отличаются от самых низких животных, ибо очевидно, божество должно отличаться от тварей земных и происшедших из вещества: то они — не боги. Зачем же нам обращаться к ним, когда рождение их подобно рождению скотов, а сами они — зверовидны и безобразны?

21. Даже, если б они говорили, будто боги имеют плоть, кровь, семя и страсти гнева и похоти: и тогда нужно было бы все эти речи считать вздором и достойными смеха. Ибо в Боге нет ни гнева, ни похоти и пожелания, ни детородного семени. Пусть бы они имели плоть, по крайней мер, пусть будут они выше гнева и ярости, чтоб Афина не видна была. «Гневная на Зевса отца, а ее волновала свирепая злоба»³⁴ и чтобы Гера не являлась так: «Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу»³⁵. Они должны быть выше скорби:

Горе! Любезного мужа, гонимого около града,
Видят очи мои, и болезнь проходить мне сердце³⁶.

Я и людей тех называю невежественными и грубыми, которые предаются гневу и скорби. Но если «отец людей и богов» оплакивает сына, говоря:

Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,
Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть³⁷.

И не может воплями своими спасти его от опасности: «Зевсов сын Сарпедон! Не помог громовержец и сыну»³⁸, то кто не упрекнет в безрассудстве тех людей, которые на основании таких басен являют себя читателями божества, а лучше сказать — безбожниками? Пусть боги имеют плоть, но не подвергаются ранам, пусть Афродита не уязвляется Диомедом в тело: «Ранил меня Диомед, предводитель Аргосцев надменный»³⁹, или от Арея в душу:

Как надо мной хромоногим, Зевсова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем губительным богом
Сочетавшись...⁴⁰
...И прекрасную плоть растерзал⁴¹.

Страшный в войнах, помощник Зевса против титанов является слабейшим Диомеда: «Свирепствовал словно Арей сотрясатель копья»⁴². Замолчи, Гомер: Бог не неистовствует. А ты представляешь мне Его и злодеем и губителем людей: «Бурный Арей, истребитель народов, кровью покрытый!»⁴³, и описываешь его прелюбодеяние и оковы:

Мало помалу и он и она усыпились. Вдруг цепи
Хитрой Ифеста работы упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни тронуться членом⁴⁴.

И как много других таких же нечестивых бредней они рассказывают? Уран оскопляется, Кронос связывается и низвергается в тартар, титаны делают восстание, Стикс умирает в битве: даже и смертными они оказываются; влюбляются друг в друга, влюбляются в людей.

Мощный Эней: от Анхиза его родила Афродита,
В рощах, на холмах Идейских богиня, почившая с смертным⁴⁵.

Не влюбляются ли они? Не страдают ли? Подлинно боги они, и не коснется их никакая страсть!... Если бы Бог по божественному домостроительству и принял плоть и тогда разве Он есть уже раб похоти?

Такая любовь никогда ни в богине ни в смертной
В грудь не вливалась мне и душою моею не владела!
Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
Ни Данией прельстясь, белоногою Акризия дочерью
Ни владея младой знаменитого феникса дочерью,
Ни прекраснейшей смертной пленяся Алкменой в Фивах
Даже Семелой, родившею радость людей — Диониса;
Так не любил я пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!⁴⁶.

Говорящий так получать начало бытия, подвержен тлению и ничего божественного не имеет. Кроме того, боги прислуживают людям: «О царственный дом Адмета, где я, хоть и бог, терпеливо довольствовался рабской трапезой». И пасут стада: «Пришедши в эту страну, я пас быков хозяина моего и охранял его дом»⁴⁷. Значит Адмет выше бога. О прорицатель и мудрец предвещающий другим будущее! Не предсказал гибели своего любимца⁴⁸ и даже умертвил друга⁴⁹ своими руками. «А я полагал, — говорит Эсхил, осмеивая лжепророчествование Аполлона, — что божественный уста Феба неложны и исполнены пророческого ведения. Тот, который поет, который присутствует на пиршестве, который сказал это, — тот самый умертвит моего сына»⁵⁰.

22. Но все это, может быть, поэтические вымыслы, которые имеют смысл естественный: «Зевс означает огонь, — как говорит Эмпедокл, — Юнона и Плутон жизненное начало, и слезы Нистиды воды источников»⁵¹. Итак, если Юпитер — огонь, Юнона — земля, Плутон — воздух и Нистиды — вода, а огонь, вода, воздух суть стихии, то ни один из них — не бог, ни Юпитер, ни Юнона, ни Плутон⁵²; потому что их состав и происхождение — из вещества, которое разделено Богом. «Огонь, вода, земля и приятная вершина воздуха; и притом дружба...»⁵³ Они без дружбы существовать не могут, смешиваясь от несогласия: кто же может сказать, что они — боги? Главное начало — дружба, по словам Эмпедокла, и ему повинуются — составные вещи, начале же господствует; итак, если мы допустим, что одна и та же сила и управляемого и господствующего: то незаметным для себя образом сделаем вещество тленное, текучее и изменяемое равночестным нерожденному и вечному, и всегда одинаковому в себе — Богу. Зевс есть пламенеющее вещество, по учению стоиков, Гера — воздух ($\alpha\eta\rho$), как показывает и самое название, если его прибавить к нему самому и произнести зараз; Посидон — питье ($\lambda\omicron\sigma\iota\varsigma$). Другие иначе объясняют это в отношении к природе. Так, Юпитера называют воздухом в двух естествах, мужеском и женском; другие — временем года, которое сообщает благорастворение ему, почему он один избежал Кроноса. К стоикам же нужно сказать: если вы признаете одного высочайшего Бога вечного и безначального, а составные вещи — видоизменением вещества, и утверждаете, что дух Божий, проникая вещество, по разным его изменениям, получает такое или другое название: то виды вещества будут — телом Бога; а когда стихии исчезнуть от сожжения, то по необходимости исчезнуть вместе с видами и названия их, и останется один только дух Божий! Итак, кто же будет признавать богами тех, чьи тела, по своей материи, подвержены изменению и тлению? Что же касается тех, которые говорят, что Кронос — время, Рея — земля, которая зачинает и рождает от Кроноса, почему и называется матерью всех, а он рождает и пожирает рожденных; что отсечение у него мужского члена означает сокоупление мужчины с женщиною, отделяющее и передающее семя женщине и производящее на свет человека, заключающего в себе вождение, т.е. Венеру; что неистовство Сатурна против его детей означает обращение времени, изменяющее предметы одушевленные и неодушевленные, а узы и тартар — означают время, изменяющееся по временам года и исчезающее: таким мы скажем. Если Кронос есть время, то изменяется; если он годовая перемена, то сменяется; если — мрак или холод или влажное вещество: то из этого ничто не пребывает неизменным; а божество — бессмертно, неподвижно и неизменяемо; следовательно, не есть Бог ни Кронос, ни его изображение. Что касается Зевса, то если он есть происшедший от Кроноса воздух, которого мужеский пол — Юпитер, а женский — Юнона, почему она и сестра и жена его, то изменяется; если же он — время года, то сменяется; а божество не изменяется и не сменяется. Но для чего много распространяться и утруждать вас: сами вы лучше знаете то, что сказано каждым из тех, кто объяснял это в отношении к природе, или что писатели думали о естестве, или что говорят об Афине, которую считают разумом, распростертом во всем; или об Изиде, которую считают

сущностью века, из которой все произошли, и чрез которую все существуют; или об Озирисе, который умерщвлен братом Тифоном и которого члены Изида искала, вместе с сыном Ором, и нашедши украсила гробницею доселе называемою Озиридской. Вращаясь туда и сюда около видов вещества, они отступают от Бога, созерцаемого разумом, а обоготворяют стихии и их части, давая им разные названия: посев хлеба называют Озирисом (поэтому-то, говорят, в мистериях при обретении членов его, или плодов, они восклицают к Изиде: «нашли мы, радуемся»); виноградный плод — Дионисом, а самое дерево — Семелою; свет солнечный — молнией. Таким-то образом богословствуют те, которые обоготворяют басни, не замечая, что все приводимое ими в защиту богов подтверждает то, что говорится против них. Какое отношение имеет Европа и Тавр и Цинк и Леда к земле и воздуху, так чтобы нечестивое совокупление с ними Зевса было соединением земли и воздуха? Отступив от величия Божия и не будучи в состоянии подняться разумом выше, ибо не имеют стремления к небесному обиталищу, — они остановились на видах материи и ниспадши долу благодворят изменения стихии, подобно тому, как если бы кто-нибудь принял за кормчего корабль, на котором он плывет. Но как корабль, хотя бы был снабжен всем нужным, ничего не значить, если нет на нем кормчего: так и стихии, хотя устроенные, бесполезны без Промысла Божия. Корабль сам по себе не будет плавать: так и стихии без Создателя не будут двигаться.

23. Вы, превосходя всех умом, может быть спросите: каким же образом действуют некоторые из идолов, если не боги те, которым мы воздвигаем статуи? Ибо невозможно, чтобы бездушные и неподвижные изображения действовали сами по себе, без движущего. Что в некоторых местах и городах, у тех или других народов бывают некоторые действия под именем идолов, этого не отвергаем и мы; но если одни получали от них пользу, а другие вред, мы не почитаем поэтому богами тех, которые производили то и другое. Впрочем, тщательно исследуем, каким образом по мнению вашему действуют идола, и кто действует, присвоив себе их имена. Но, приступая к объяснению того, кто действует в идолах, и что это — не боги, нахожу нужным воспользоваться некоторыми свидетельствами и философов. Во-первых, Фалес, как говорят тщательно изучавшие его учение, — различает бога, демонов и героев. Бога он почитает умом мира, под демонами разуметь духовные существа, а под героями — души людей, отделившиеся (от тел), от добрых — добрые, а от злых — злые. Платон, который о прочем иначе рассуждает, также различает — Бога безначального, потом подвижный и неподвижные звезды, созданный безначальным для украшения неба, и демонов: о последних он сам говорить отказывается и советует слушать тех, которые уже говорили о них. «О прочих же демонах, говорит он, рассуждать, и знать их происхождение — свыше наших сил; а должно верить прежде говорившим о них, которые были потомками богов, как утверждают они, и хорошо знали о своих предках. Нельзя же не варить детям богов, хоть бы они говорили и без достаточных и необходимых доказательств; и так как по уверению их, они рассказывают о близком для них: то следуя обычаю должно верить им. Поэтому согласно с ними, и нам о происхождении богов должно думать и говорить таким образом: от земли и неба родились дети Океан и Тетиса; а от них — Порк, Кронос и Рея, и другие с ними; от Кроноса и Реи — Зевс и Гера и все, которые, как мы знаем, называются братьями; а также и прочие потомки сих последних»⁵⁴. Итак, неужели тот, кто созерцал вечный ум и постигаемого мыслию Бога, и раскрыл Его свойства, именно что истинно сущее, единоестественное есть благо от Него происходящее, т.е. истина; кто рассуждал касательно первой силы также о том, что «все во власти царствующего над всем, и все для Него, и Он причина всего»; о втором, о третьем. Неужели он считал выше своих сил узнать истину о тех существах, которые были производимы от подлежащих чувствам земли и неба? Этого нельзя сказать. Но так как он признавал, что боги не могут ни рождать, ни рождаться, потому что получающее начало бытия имеет и конец; и что

еще труднее того переуверить народ, без исследования веривший басням, поэтому он и сказал, что выше его знать и говорить о происхождении прочих демонов; ибо он не мог ни мыслить, ни говорить чтобы боги рождались. Другие слова Платона: «велики царь неба Зевс, едущий на быстрой колесница, шествует первый, устроая все и управляя; за ним следует воинство богов и демонов»⁵⁵, относятся не к тому Зевсу, о котором говорится, что он родился от Кроноса. здесь именем Зевса называется Творец вселенной. Это показывает и Платон: не находя возможным назвать его другим выразительным именем, он употребил общенародное слово, не как свойственное Богу, но как для всех понятное, потому что невозможно рассуждать о Боге понятно для всех; он прибавил и слово: велики, чтоб отличить небесного от земного, от того, который моложе неба и земли, моложе даже критян, которые похитили его, чтоб он не был умерщвлен отцом.

24. Нужно ли напоминать вам о поэтах или приводить другие мнения, вам, которые изучили всякое знание? Достаточно сказать следующее: если бы поэты и философы не признавали, что Бог один, и не почитали богов одни — за демонов, другие — за вещество, иные — за людей: то было бы справедливо преследовать нас, когда мы различаем Бога и вещество, и их сущности. Мы признаем Бога и Сына Его — Слово и Духа Святого, именно составляющих одно по силе своей Отца, Сына и Духа; ибо Сын есть ум. Слово, мудрость Отца, а Дух есть истечение Его, как свет от огня. Так же мы допускаем и другие силы, которые властвуют над веществом и чрез вещество, и из которых одна враждебна Богу, не в том смысл, чтоб она была что либо противободствующее Богу, как например, вражда — дружба у Эмпедокла, или ночь — дню в небесных явлениях (ибо если бы что-нибудь противостало Богу, то лишилось бы пыля и было бы разрушено могуществом и силою Божию), но эта сила противна благодати Божией, которая свойственна Ему и соприсуща, как цвет телу, и без которой Он не существует (не так, чтоб она была Его часть, но она есть необходимая принадлежность, соединенная и нераздельная с Ним, подобно как огню свойственно быть красным, и эфиру — голубым) и есть дух обращающейся около вещества, который сотворен от Бога, как и прочие ангелы сотворены Им, и поставлен для управления веществом и его видами⁵⁶. Бог сотворил ангелов для промышления о вещах, сотворенных Им, так что Богу принадлежит всеобъемлющее и общее промышление обо всем, а промышление о частях — ангелам, к ним приставленным. Как у людей есть свобода выбирать добро и зло (ибо вы не награждали бы добрых и не наказывали бы злых, если бы порок и добродетель не были в их власти, и одни оказываются исправными в том, что им поручено от вас, а другие — неверными): так и у ангелов. Одни из них, свободные, какими и сотворены были от Бога, пребыли в том, к чему Бог сотворил их и определил; а другие злоупотребили и своим естеством и предоставленною им властью. Таковы: князь вещества и видов его, и другие из их, которые были около него, как главного, помощниками (вы знаете, что мы ничего бездоказательного не говорим, а излагаем то, что возвещено пророками), — последние возымели вожделение к девам и были побеждены плотью; а тот сделался небрежен и лукав в управлении ему вверенном. От совокупившихся с девами родились так называемые исполины. Не удивляйтесь, если и поэты нечто сказали об этих исполинах: между мудростью и божественною и мирскою такое же расстояние, какое между истиною и вероятною: первая — небесная, и вторая земная; и благодаря начальнику вещества «мы умеем говорить много ложного, похожего на истину»⁵⁷.

25. Сии-то ангелы, ниспавшие с неба и обитающие в воздухе и на земле и уже не могущие взойти на небо, равно и души исполинов, который суть собственно демоны, блуждающие вокруг мира, производят действия, одни именно демоны, — соответственные природе, какую они получили, а другие, именно ангелы, — тем вожделениям, которые они возымели. Князь же вещества, как видно из самых событий, изобретает и устроает противное благодати Божией.

«Часто при размышлении тревожит меня вопрос: случай ли или Бог управляет жизнью людей; сверх чаяния и не по правде одни выходят из домов без средств к жизни, а другие счастливы» [58](#). И это неожиданное и несправедливое благополучие и злосчастье привело Еврипида в недоумение, кому принадлежит такое управление земными делами, о котором можно сказать: «и так, видя это, как мы скажем, что существует род богов, или как мы подчиняемся законам» [59](#). Это побудило и Аристотеля сказать, что поднебесная не управляется Промыслом, между тем вечный Промысл Божий постоянно бодрствует над нами:

«Земля по необходимости, хочет ли, не хочет ли, производить растения, и питает мой скит» [60](#),

и в отношении к отдельным людям он действует ни заслугам каждого, сообразно с истиною, а не с людским мнением; а прочие вещи управляются законом разума сообразно с общим их устройством. Но так как происходящие от противного духа демонские влияния и действия производят такие беспорядочные случаи, и возмущают людей разнообразными способами, отдельно и в целых народах, по частям и вообще, чрез отношение к веществу и чрез сочувствие с божественным, изнутри и извне, поэтому некоторые немаловажные люди пришли к мысли, что этот мир существует не по какому-нибудь закону, а управляется и движется неразумным случаем. Они не понимали, что в устройстве вселенной нет ничего беспорядочного и случайного, а напротив, каждая часть ее произошла разумно, почему и не преступает установленного для ней порядка; также и человек, по воле Создавшего его, подлежит определенному порядку, как в отношении к происхождению своему, которое подчиняется одному общему закону, так и к устройству своего тела, не уклоняющемуся от закона, и в отношении к концу жизни, одинаковому и общему для всех. Только в отношении к свойственному ему разуму и к действию правящего веществом князя и его демонов, каждый человек движется и действует различно, хотя все имеют общую им способность рассуждать.

26. Демоны, о которых мы говорили, привлекают язычников к идолам; ибо они привязаны к крови жертв и ею услаждаются; а боги, которые правятся толпе и коих имена даны статуям, были люди, как можно видеть из их истории. Демоны же присвоили себе эти названия, — чему доказательством служит деятельность каждого из них. Иные отсекают тайные члены, именно Рея; иные ранят и поражают, как Артемида, а почитаемая в Тавриде умерщвляет иностранцев. Я не буду говорить о тех, которые сами себя терзают ножами и бичами, и о других родах демонов, ибо Богу несвойственно побуждать к тому, что противно природе: «Когда демон готовить человеку зло, то наперед повреждает его ум» [61](#). А Бог, как совершенно благой, всегда благодетельствует. Таким образом, иные — те, кто действует чрез статуи, и иные, в честь кого воздвигаются эти статуи, — важнейшим подтверждением этому служат Троя и Парий: один из этих городов имеет статуи Нериллина, который жил в наше время, Парий статуи Александра и Протея; гробница и статуя Александра до сих пор на площади [62](#). Прочие статуи Нериллина служат общественным украшением, — если только и он составляют украшение города; а одна из них славится тем, что прорицает и врачует болящих, и за это троянцы боготворят статую, украшают золотом и венками. Что касается статуй Александра и Протея, — об этом вы знаете, что он сам бросился в огонь около Олимпии — то говорят, что статуя Протея издает прорицания, а в честь статуи Александра ["жалкий, лишь с виду бесстрашен он, женолюбец"] [63](#), устроятся на общественный счет жертвоприношения и праздники, как будто внемлющему Богу. Кто же Нериллин ли, Протей и Александр производят это в статуях или природа вещества? Но вещество их — медь, что же может сделать сама по себе медь, которую можно снова изменить в другую форму, как Амазис у Геродота [64](#) превратил таз в изображение бога? И сами Нериллин, Протей и Александр, что больше могут сделать для болящих? Ибо что теперь, по

рассказам производить статуя, то производила она и тогда, когда Нериллин был еще жив и болен.

27. Итак, что же? Прежде всего неразумные и мечтательные движения представлений души то такое, то другие образы частью заимствуют от вещества, частью сами по себе создают и производят. Это случается с душою особенно тогда, когда она прилепляется к духу вещества и смешивается с ним, когда она взирает не на небесное и Творца вселенной, а долу, на земные вещи, вообще на землю, как будто она только плоть и кровь, а не чистый дух. Такие неразумный и мечтательный движения души производят видения, соединенные с страстным влечением к вещественным изображениям. Когда нежная и удобопреклонная душа, неведущая и неопытная в твердом учении, чуждая истины и не постигающая Отца и Творца вселенной, исполнится ложных о себе представлений, то обращающиеся около вещества демоны, жаждущие жертвенного дыма и крови, оболстители людей, — призвав себе на помощь эти увлекающие толпу обманчивые движения души, и действуя на умы людей, внедряют в них эти видения, как бы они происходили от идолов и статуй; и когда душа сама собою, как бессмертная, разумно движется, предузнавая будущее или испытывая настоящее: то демоны присвояют себе эту славу.

28. Но необходимо также, согласно с обещанием нашим, сказать несколько об именах богов. Геродот и Александр, сын Филиппа, в письме к матери ⁶⁵, об них обоих говорят, что они в Илиополе, в Мемфисе и Фивах входили в беседу с жрецами, — уверяют, будто они слышали от этих, что боги были люди. Геродот говорит: «они доказывали, что те, изображения коих существуют, были действительно такими, но от богов весьма отличны; что прежде этих людей царствовали в Египте боги, которые не имели ничего общего с людьми и всегда управлял который-нибудь один из них; и что потом царствовал там Ор, сын Озириса, которого эллины называют Аполлоном; он, по низвержении Тифона, был последним царем в Египте. Озирис же по-гречески назывался Дионис. Таковы были как прочие, так и последний царь Египта» ⁶⁶. От них имена богов перешли к эллинам. Аполлон был сын Диониса и Изиды, как говорит тот же Геродот: «Аполлона и Артемиду почитают детьми Диониса и Изиды, а Латону их кормилицею» ⁶⁷. Их почитали происшедшими с неба первыми царями, и частью по незнание истинного богопочитания, частью же из благодарности к их начальствованию возводили в богов и вместе с женами. «Теперь все египтяне приносят им в жертву волов чистых и тельцов; самок же не позволительно приносить им, так как он посвящен Изиде, которой статуя имеет вид женщины с бычачьими рогами, как греки изображают Ио» ⁶⁸. Кто же больше заслуживает доверия к своим рассказам, как не и, которые, по преемству рождения, сын от отца, приняли как жречество, так и историю? Не вероятно, чтобы жрецы, почитавшие идолов, лгали, когда говорили, что это были люди. Если бы один только Геродот говорил, что по сказаниям египтян, боги их оказываются людьми, и так как он сам свидетельствует: «Я не намерен передавать сказаний о богах, какие слышал я, кроме только их имен» ⁶⁹, — не следовало бы еще верить ему, как баснописцу. Но так как Александр и Гермес, прозванный Трисмегистом, и весьма многие другие — я не буду перечислять каждого порознь, — приписывали им вечное происхождение, то не остается никакого основания сомневаться, что цари были возведены в богов, что боги были людьми; это говорят и ученейшие из египтян, которые, называя богами воздух, землю, солнце, луну, считают прочих богов смертными людьми, и храмы гробницами их. То же говорит Аполлодор в книге о богах. Геродот же называет страсти их мистериями. «Как совершается празднество в честь Изиды в город Бузирисе, — я уже прежде сказал. после жертвоприношении бичуют себя все мужчины и все женщины, многие тысячи людей; а как именно бичуют себя, неприлично, мне рассказывать» ⁷⁰. Если они боги, то бессмертны; если же бичуются ради их страданий и это составляет их мистерии, то они — люди». Еще тот же Геродот говорит: «в

города Саисе, в храме Афины есть и гробница того, чье имя назвать считаю неприличным в этом случае, — подле святилища, у задней стены храма Афины. Есть также озеро, обложенное кругом камнем, такой величины, какой, как мне кажется, озеро в Хелосе, называемое круглым. В этом озере представляют ночью страдания его⁷¹, и это египтяне называют мистериями»⁷². И показывают не только гробницу Озириса, но и то, как он набальзамирован. «Когда к ним приносят труп, то они показывают принесшим деревянные изображения умерших, отделанные посредством живописи. и превосходнейшим называют изображение того, чье имя сказать считаю неприличным при этом случае»⁷³.

29. Так же говорят и из эллинов важнейшие поэты и историки, например, о Геракле:

Зверский Геракл посрамивши Зевесов закон и накрытый им гостелюбно для странника стол, убийство свершил...⁷⁴. Не удивительно, что он будучи таков, пришел в неистовство, и воспламенив костер, сжег себя. Об Эскулапе Гесиод говорит:

«Отец людей и богов воспламенился, и устремившись с Олимпа ослепительною молниєю, умертвил любезного сына Леты, движимый гневом».

И Пиндар:

«И мудрость побеждается корыстью. Развратило и его (Эскулапа) обильною наградою золото, показанное в руках. Кронион бросив руками молнию, мгновенно лишил дыхания, и она нанесла смерть»⁷⁵.

Итак, они были или боги: тогда не питали бы страсти к золоту, — «о золото, высшее сокровище смертных, вред которым ни мать, ни дети не имеют такой привлекательности»⁷⁶, ибо божество ни в чем не нуждается и выше пожелания, — так же были бы и бессмертны; или были люди и потому они злы по неразумие и жадны до богатства. Говорить ли мне много о Касторе, или Полидевке, или об Амфиарее, которые, так сказать, вчера или третьего дня родились людьми от людей, а теперь почитаются за богов, если и Инона после ее неистовства и страданий почитаются божеством? «Морепплаватели назвали ее Левкатеей», и сын ее «божественный Палемон призовется мореходцами»⁷⁷?

30. Если люди самые гнусные и богоненавистные удостоились чести быть богами; если Семирамида, дочь Дерцеты, женщина сладострастная и кровожадная, признана богинею Сирийскою, и если из-за Дерцеты сирияне поклоняются голубям и Семирамиде; ибо, по баснословию Ктезия, эта женщина, что впрочем, невозможно, превратилась в голубя: — то что удивительного, если одни за власть названы богами от подвластных им? Сивилла, о которой упоминает и Платон, говорит: «было десятое поколение смертных людей после того как случился потоп первых людей, и царствовали Сатурн и Титан и Иапет, которых люди называли лучшими детьми земли и неба, прилагая им имена земли и неба, так как они были первые из людей»⁷⁸. Другие признаны богами за силу, как Геракл и Персей: иные за искусство, как Эскулап? Такую часть предоставляли им или подчиненные, или сами начальствующее, и из сих — одни по страху, другие по уважению к ним приобрели это название. Антиной за человеколюбие ваших предков к своим подданным достиг того, что его признали богом⁷⁹, а потомки их без исследования приняли это. «Критяне всегда лживы, ибо тебе, царь, сделали критяне гробницу, ты же не умер»⁸⁰. А сам ты, Каллимах, веруя в рождение Зевса, как не веришь его погребению, и таким образом затемняя истину, проповедуешь и неведущим о смерти его? Когда ты видишь пещеру, то вспоминаешь о Реи; а когда видишь гробницу (Зевса) — стараешься скрыть его смерть. Разве не знаешь, что вечен только безначальный Бог? Подлинно, или недостоверны мифы о богах, рассказываемые народом и поэтами, и потому излишне и почитание их; — ибо те и не существуют, о которых ложны сказания; — или, если несомненно их рождение, их любовные дела, человекоубийства, похищения, отсечения членов, молнии, то они уже не

существуют и окончили жизнь; так как они получили начало бытия, а прежде не существовали. Какое же основание — одним событиям верить, а другим не верить, когда поэты рассказывают об них для большого прославления богов? Ибо не лгали же о страстях их т. которые считали их богами, и прославляли их деяния. — Итак, мы не безбожники, так как признаем Бога, Творца вселенной, и Его Слово: это доказано по мере моих сил. хотя и не вполне соответственно важности предмета.

31. Нас обвиняют также в каких-то пиршествах и нечестивых смешениях, дабы казалось, что не без причины ненавидят нас, и вместе надеясь страхом отвлечь нас от образа нашей жизни, или тяжестью обвинений сделать правителей строгими и неумолимыми к нам. Но они издеваются над ими, которые знают, что искони, не в наше только время, по какому-то божественному закону и разуму, порок обыкновенно враждует против добродетели. Так и Пифагор был сожжен вместе с другими тремястами человеке; Гераклит и Демокрит — первый был изгнан из города Эфеса, другой — из Авдер, быв признан за сумасшедшего, и Сократ был афинянами осужден на смерть. Но как они, по отношению к своей добродетели, не потерпели никакого вреда от молвы народной, так неосновательный клеветы некоторых несколько не помрачат правоты нашей жизни, ибо мы имеем похвалу от Бога. Впрочем, я отвечу и на эти обвинения. Я уверен, что вы находите меня правым и потому, что я уже сказал, Превосходя всех умом. вы согласитесь, что те, которые образцом всей, жизни имеют Бога, — так чтобы каждый из нас был пред Ним чистым и неукоризненным, — те и в мыслях никогда не допустят ни малейшего греха. Ибо если бы мы были убеждены, что существует одна только настоящая жизнь на земле: то еще можно было бы подозревать, что мы служим плоти и крови, или предаемся корыстолюбию и сладострастно; но так как мы знаем, что Бог и ночью и днем присущ нашим мыслям и словам, что весь Он — свет и видит находящееся в нашем сердце, то мы также убеждены, что, оставив настоящую жизнь, будем жить другою жизнью, лучшею здешней, небесною, а не земною, — ибо будем пребывать у Бога и с Богом, неизменными и бесстрастными душою, не как плоть, хотя и будем иметь плоть, но как небесный дух, — или если мы увлеклись грехом вместе с другими, нас постигнет жизнь худшая, в огненных мучениях; ибо создал нас Бог не как овец или скотов, не понапрасну и не для того, чтобы мы погибли и уничтожились. Поэтому-то невероятно, чтобы мы добровольно грешили и подвергали себя наказанию великого Судии.

32. Несколько не удивительно, если они приписывают нам то, что говорят о своих богах, торжествуя страсти их под именем мистерии. Только если они стали обвинять нас в распутстве и безразличном совокуплении, то им следовало бы наперед возненавидеть Зевса, который имел детей от матери Реи и дочери Кору и женился на собственной сестре, или выдумавшего это Орфея, который представил Зевса более преступным и нечестивым, чем самый Фиест; ибо последний сделал кровосмешение с дочерью по оракульскому изречению, желая остаться царем и отметить за себя⁸¹. Мы же так далеки от подобных преступлений, что нам не позволено даже смотреть с вожделением. «Кто смотрит на женщину, — говорит (Господь наш), — с вожделением, уже прелюбодействовал в сердит, своем» ([М ф 5.28](#)). Итак, о тех которым непозволительно употреблять зрение ни на что больше того, на что Бог сотворил глаза, чтобы т.е. они были для нас светом, — которые считают сладострастный взгляд за прелюбодеяние, так как глаза устроены для другого назначения, — и которые ожидают суда даже за мысли: о тех можно ли думать, что они ведут развратную жизнь? Мы смотрим не на законы человеческие, от которых может укрыться иной злодей, — я в начале показал вам, владыки, что наше учение богооткровенное, — но у нас есть закон, который повелел соблюдать величайшую непорочность между нами самими и ближними. По этому, смотря но возрасту, иных мы считаем сыновьями и дочерьми, других братьями и сестрами, и престарелым отдаем честь как отцам и матерям. Кого

мы называем братьями и сестрами и прочими родственными именами, о тех мы весьма заботимся, чтобы тела их оставались неповрежденными и нерастленными. Еще слово говорит нам: «если кто повторить целование, потому что это нравится ему», (то согрешает); и прибавляет: «итак, с величайшею осторожностью должно быть употреблено лобзание или лучше приветствование, что бы оно не лишило нас вечной жизни, если хоть сколько-нибудь будет осквернено помышлением»⁸².

33. Посему, имея надежду вечной жизни, мы презираем здешние житейские дела и даже душевные удовольствия. И жену каждый из нас, которую он взял по установленным у нас законам, имеет только для деторождения. Как земледелец, бросив в землю семена, ожидает жатвы и больше уже не сеет, так и у нас мерою пожелания служить деторождение. Между нами найдешь даже многих и мужчин и женщин, которые состареваются безбрачными, надеясь теснее соединиться с Богом. Если жизнь девственная и целомудренная более приближает к Богу, а худой помысл и пожелание удаляет от Него: то мы, избегая худых помыслов, тем паче избегаем таких дел. Ибо наше богопочтение состоит не в заботе о словах, но в доказательствах и учении делами: нужно или оставаться таким, каким кто родился, или вступать в один брак, ибо второй брак есть прелюбодеяние под благовидным предлогом. «Кто разведется, — говорит (Господь), — с женою своею, и женится на другой, тот прелюбодействует» (ср. [Лк 16.18](#); [Мф 19.9](#)), не позволяя ни отпустить ту, которую кто лишил девства, ни жениться на другой. Отступающий от первой жены, хотя бы она и умерла, есть прикровенный прелюбодей, как потому, что преступает распоряжение Божие, ибо в начале Бог сотворил одного мужа и одну жену, — так и потому что разрушает самую тесную связь плоти с плотью, происшедшую чрез половое совокупление.

34. Таковы-то наши правила, наши нравы. О, для чего мне говорить, о чем лучше умолчать? Мы слышим пословицу: «блудница укоряет целомудренную». Ибо те, которые устроили торжище блудодеяния и предлагают юношам гнусные пристанища всякого постыдного удовольствия, и даже мужчин не щадят, совершая студодеяния мужчины на мужчинах, и всячески оскорбляя красивейшие и благообразнейшие тела, и бесчестя сотворенную Богом красоту — ибо красота на земле не сама собою происходит, но посылается по распоряжению и мысли Божией, — те самые обвиняют нас за то, что сознают за собою и что приписывают своим богам, как нечто похвальное и достойное богов своих. Прелюбодеи и детораствители оскорбляют целомудренных и единобрачных, живя подобно рыбам, которые поглощают встречных и преследуют сильная слабейшую. И вот что значить есть плоть человеческую: вопреки законам, которые вы и предки ваши установили для соблюдения всякой справедливости оказывать над людьми жестокие насилия, так что посылаемых вами правителей народов не достает для суда над теми, которым заповедано не уклоняться, когда бьют их, и благословлять, когда злословят их. Ибо для них недовольно быть справедливыми, — а справедливость состоит в том, чтобы воздавать равным равное, — но надлежит еще быть добрыми и терпеливыми.

35. Итак, кто из здравомыслящих может сказать, когда таков наш образ жизни, что мы человекоубийцы? Ибо не возможно есть мясо человеческое, не убив наперед кого-нибудь. Первое — ложь, а на счет второго, если кто спросить их, видали ли они то, о чем говорят: то никто не будет так бесстыден, чтобы сказать, будто он видел это. У нас есть и слуги, у иных больше, у других меньше, от которых невозможно скрыться: однако и из них никто не говорил такой наглой лжи об нас. Ибо тех, которые, как известно, не хотят смотреть и на справедливо казнимого: тех кто обвинить в человекоубийстве или человекоядении? Кто не стремится с любовью на зрелища борьбы гладиаторов и зверей, особенно если они даются вами? Но мы, думая, что смотреть на убийство почти то же, что совершать оное, отказываемся от таких зрелищ. Как же мы, которые даже не смотрим на убийства, чтобы не приобщиться

преступлению, можем сами быть убийцами? Если мы утверждаем что женщины, вытравливающие зародившихся младенцев, делают человекоубийство и дадут Богу отчет за вытравление, то как же сами станем убивать человека? Ибо не свойственно одному и тому же человеку — почитать находящегося еще во чреве младенца живым существом, о котором также печется Бог, и умерщвлять того, который родился для жизни: не свойственно бросать родившегося, так как бросающие совершают детоубийство, и в то же время — убивать уже вскормленного. Мы во всем и всегда равны и одинаковы, подчиняясь разуму, а не владея над ним.

36. Какой же человек, верующий в воскресение, согласится сделаться гробом тех, которые имеют воскреснуть? Невозможно, чтобы одни и те же люди веровали в воскресение тел наших и вместе употребляли их в пищу, как не имеющие воскреснуть; были убеждены, что земля никогда возвратит своих мертвецов, и вместе думали, что тела, которые схоронены кем-либо в его внутренности, от него не потребуются. Напротив кто думает, что не будет суда за эту жизнь, как бы ни проводил ее — хорошо или худо, ни воскресения, но что вместе с телами. погибает и как бы угасает и душа, те, по всей вероятности, не удержатся ни от какого преступного действия. А кто убежден, что никто не укроется от суда Божия и что самое тело понесет наказание вместе с душою, для которой оно служило орудием неразумных влечений и страстей, те — весьма основательно думать — будут избегать и малейшего греха. И если кому кажется вздором то. Что истлевшее, разрушившееся и совершенно уничтожившееся тело снова придет в прежний состав, то не верующие могут обвинять нас разве только в простоте ума, а не в худой нравственности, ибо заблуждением своим мы никому не вредим. Можно было бы показать, что не мы одни признаем воскресение тел, но и многие философы, но это теперь неуместно: нас упрекнули бы в том, что в настоящее исследование вводим посторонние рассуждение, если бы стали говорить, например, об умопостигаемом и о чувственных вещах и их устройстве, или о том, что бестелесное существует прежде тел, и что вещи чувственные, хотя они первые поражают наши чувства, явились после умопостигаемых существ, так как тела составились из бестелесных начал чрез их совокупление и чувственное произошло из умопостигаемого; ибо по учению Пифагора и Платона ничто не препятствует, чтобы тела после своего разрушения опять составились из тех же стихии, из которых они произошли первоначально. Но мы отложим рассуждение о воскресении.

37. Вы же, государи, во всех отношениях, и по природе и по своему образованию, столь благие, умеренные, человеколюбивые и достойные царства, удостойте вашего царского одобрения меня за то, что я опроверг клеветы и доказал наше благочестие, кротость и благодетельность. Какие люди более заслуживают получить просимое, как не мы, которые молимся за вашу власть, чтобы сын, как требует справедливость, наследовал от отца царство, и чтобы ваша власть более и более утверждалась и распространялась и все вам покорствовало? Это полезно и для нас, чтобы нам вести жизнь тихую и безмятежную ([1Тим 2.2](#)) и охотно исполнять ваши повеления.

Примечания

Агравла и Пандроса — дочери Кекропа, которым Афина передала Эрехтея младенца, до половины имевшего вид змеи, в ящике с запрещением открывать его. Когда они открыли его, и увидели дитя, обвитое змеею (дитя в виде змеи) и были ею умерщвлены.

Ср. *Иуст. Апол.* II, 17; *Тертулл. К Скапуле.* 2.

Такое же доказательство встречается у Иустина (II Апол. 4) и Тертуллиана (Апол. 46).

Разумеются указы императоров Адриана (см. 1-ю апологию Иустина гл. 68), Антонина благочестивого (у *Евсев.* ЦИ. IV, 26) и самого Марка Аврелия, о котором см. у Тертуллиана (Апологетик. 5).

Фрагмент Еврипида, известный только из Афиногора. Ср.: Финикиянки. 86—87.

Фрагмент Еврипида, часто цитируемый апологетами, ср.: *Климент Александрийский*. Протрептик. II, 25, 3; VII, 74, 1.

Фрагмент приводится у Плутарха как относящийся к трагедии *Меланиппа*. См. этот стих в: *пс.-Иустин. О единовластии. 5.*

См. в: *пс.-Иустин*. Увещании к эллинам гл. 18 и О единовластии гл. 2.

Лисий и Опсим — последователи Пифагора, о которых упоминает Ямвлих (Жизнь Пифагора. 36).

Число десять называется четверочастным, потому что *один, два, три и четыре* будучи сложены, составляют десять.

См. Тимей. 28с. Ср. Иустин. Апология II, 10.

См. Тимей. 41а

Κατ' ἐξέτασιν λογισμοῦ: подобное выражение встречается у Иустина (Разговор с Трифоном. гл. 115: ἐν ἐκστάσει), и Тертуллиана (Против Маркиона. IV, 22).

Τочнее: силу в единстве (εν τη ενώσει δυναμιν)

Платон. Горгий. 523с-524а.

Эти слова взяты из Гомера (Илиада. XVI, 672). См. об этом у Афиногора. О воскресении. [Пс 16.5.](#)

Гомер. Илиада. IX, 499—501.

Келей и Метанир были родители Триптолема, у которых Церера во время поисков дочери своей Прозерпины пользовалась гостеприимством.

Эти имена вероятно вставлены в текст переписчиками.

О Филиппе, родом кротонце, который по смерти был удостоен божеской почести, см. Геродот. V, 47.

Онсил был брат Георгоса царя саламинского, на острове Кипр. Геродот. V,104 и сл.

Гамилькар — карфагенский царь, бросившийся в огонь после поражения под Сиракузами. Геродот. V II, 167.

Государство. 269d.

Геродот. Ист. II. 53.

Саврий и Кратон известны только по этому упоминанию.

См. у Плиния. XXXV. 12.

Безгрудой

Гомер. Илиада. XX, 131.

Гомер. Илиада. XII, 302.

Гомер. Илиада. XIV, 246.

Орфический фрагмент № 57 (Kern).

Платон. Тимей. 17d. Ср.: пс.-Иустин. Увещание к эллинам. 22.

Орфический фрагмент № 167 (Kern).

Гомер. Илиада. IV, 23.

Гомер. Илиада. IV, 24.

Гомер. Илиада. XXII, 168.

Гомер. Илиада. XVI, 433—434.

Гомер. Илиада. XVI, 522.

Гомер. Илиада. V, 376.

Гомер. Илиада. VIII, 308.

Гомер. Илиада. V, 858.

Гектор. См.: Гомер. Илиада. V, 605.

Гомер. Илиада. V, 31.

Гомер. Одиссея. VIII, 296—298.

Гомер. Илиада. II, 820—821.

Гомер. Илиада. XIV, 315—327. Так говорит Юпитер к Юноне. Ср.: Увещание к эллинам. 2.

Слова Аполлона. *Еврипид*. *Алкеста*. 1—2; 8—9.

Т.е. Ахилеса.

Геацинта, сына Амиксы.

Отрывок из неизвестного сочинения Эсхила.

Фрагмент 6 (Diel-Kranz).

Такая система соответствий есть, например, у Диогена Лаэрта, VIII, 76.

Эмпедокл. Фрагмент 17, ст. 18—20 (Diel-Kranz).

Платон. Тимей. 40d-e.

Платон.Федр. 246е.

Эти слова приводятся св. Мефодием Патарским (см. свт. *Епифаний*. Против ересей. 64. 21).

Гесиод. Теогония. 27.

Этот фрагмент Еврипида известен только по этой цитате.

Фрагмент неизвестного трагика. Известен только по этой цитате.

Еврипид. Киклоп. 332—333.

Цитата из неизвестного произведения.

Кто был Нериллин неизвестно. Под Александром здесь возможно имеется в виду Александр Абонотихский (о нем диалог Лукиана *It;Александр, или ложный пророкgt;*). Протей — цинический философ, представленный Лукианом в сочинение *It;О смерти Перегринagt;*.

Гомер. Илиада. III, 39. Прот. П. Преображенский в переводе не приводит эту строчку, ссылаясь на мнения исследователей, что это глосса на полях, вставленная в текст.

Геродот. II. 172.

Указанное Письмо к матери; на самом деле не принадлежит Александру Великому.

Геродот. II. 114.

Геродот. II. 156.

Геродот. II. 41.

Геродот. II. 3.

Геродот. II. 61.

Т.е. Озириса.

Геродот. II. 170—171.

Геродот. II. 86.

Фрагмент Гесиода. Ср. Гомер. Одиссея. XXI, 28—29.

Пиндар. Рyth. III. 96—98; 100—1057.

Фрагмент Еврепида.

Цитата из неизвестного автора. Инона утопилась со своим сыном Меликертом, а после превратились в морских божеств Левкофею и Палемона.

Oracula Sibyllina. III 108—113.

Младший сын императора Адриана Антиной, утонувший в реке Ниле, почитался богом в Египте.

Каллимах. Гимны Юпитеру 8—9.

Фиест сошелся со своей дочерью Пелопией во исполнение оракула Аполлона. От их брака родилась Эгисф.

Откуда взято это изречение, не известно.